

Т.А. Трипольская

Экспликация психологических типов личности в эмоциональной и оценочной интерпретации действительности

Исследуя основные параметры эмоциональных состояний человека, которые детерминируют его эмотивно-оценочную деятельность, мы неизбежно обращаемся к проблеме языковой личности, переживающей эти эмоциональные состояния. Если исходить из представления о языковой личности как одной из составляющих понятия личности в психологии, то естественным будет обращение к ее комплексному психолого-лингвистическому анализу.

Проблема соотношения мышления, речи, эмоций с психологическим типом личности поставлена в общем виде К.Г. Юнгом: взаимосвязь и взаимозависимость мышления и эмоций по-разному проявляется в речевом мышлении разных типов. Так, в речи эмоционального экстраверта она реализуется в «навязчивых эмоциональных предикатах», а в речи противоположного типа «каждое суждение кажется холодным и не гибким». Эмоции у мыслительных и эмоциональных типов экстравертов подчинены объекту, «объективным определителям», а у интровертированных людей, ориентированных на себя, наблюдается сдерживание и «охлаждение действительно переживаемых эмоций» [Юнг, 1992, с. 432-436, 471-474].

Юнговская теория психологических типов понемногу проникает в лингвистические исследования, посвященные языковой экспликации указанных типов личностей [Ляпон, 1995, с. 260-276].

В исследованиях подобного типа нам представляются целесообразными два направления: первое – анализировать дискурс личности, выявляя все возможные специфические языковые черты; второй путь, реализованный в данной работе, предполагает проследить функционирование определенного «участка» языка в дискурсе личностей, принадлежащих к разным, возможно, противоположным типам.

Задача настоящего исследования – выявить специфику эмотивно-оценочного дискурса (ЭОД) языковой личности (ЯЛ) определенного психологического типа; установить уровень и особенности влияния психологического типа личности на ее эмотивно-оценочную картину мира; соотнести специфические черты психологического типа с характеристиками языковой личности.

Материалом такого контрастного анализа послужили дневники Н. Амосова и его повесть «Мысли и сердце». Дневники Н. Амосова не относятся к известному типу литературно-дневниковой прозы, это, скорее, профессиональные и бытовые записи, содержащие осмысление и эмоциональное переживание происходящего в жизни человека.

Психологи, занимающиеся соционикой, относят Н. Амосова к типу логико-интуитивных интровертов, для которых чувства определяются субъективным фактором. Эти чувства, по-видимому, обесценивают объект и поэтому в большинстве случаев вербализуются как отрицательная величина. Выражение положительных эмоций минимально, хотя они могут быть весьма интенсивными. Именно этот психологический тип К.Г. Юнг противопоставил экстравертному эмоциональному

типу, к которому, как мы установили, принадлежит герой повести «Мысли и сердце». Подобные психологические модели пока не подкреплены лингвистическим описанием личностей. В частности это относится к вербальному выражению эмоционального состояния и эмотивной оценки.

Дневниковый дискурс в анализируемом аспекте характеризуется, во-первых, внимательным, осознанным отношением к своему и чужому слову, попыткой интерпретировать тот или иной языковой выбор. Повышенное внимание к слову вообще и в области оценочных суждений в частности связано с типом исследуемой личности. Обратимся к работе К.Г. Юнга: «Его (мыслительного интроверта – Т.Т.) стиль по большей части затруднен всякими прибавками, ограничениями, предостережениями, сомнениями, которые происходят от его недоверчивости... Его язык становится более индивидуальным и еще менее связан нормами...» [Юнг, 1992, с. 73-74]. Указанные прибавки, ограничения, сомнения касаются и выбора способа вербализации своих мыслей.

М.В. Ляпон, описывая особенности интровертной личности (на примере М. Цветаевой), выделяет такую черту дискурса, как «установка на самоистолкование», которая реализуется, например, в «злоупотреблении каузальностью», в «блуждании вокруг денотата». Говорящий стремится обнажить скрытые мотивации при выборе слова, вербализовать внутренние ментальные процессы и состояния. [Ляпон, 1995].

Выделим ведущие языковые черты, проявляемые ЯЛ в ЭОД.

1. Ориентированность на анализ собственного дискурса, размышление над словом.

Жаль ... не чувствую литературного таланта. По-моему, он выражается в способности образно видеть детали и **находить слова** для мыслей и чувств. Главным образом **чувств**, оригинальные мысли приходят так редко. **Насчет чувств и слов особенно меня трогают поэты. Ну что ж. Чего у меня нет, того нет. Притязания скромны: не блеск, а информация** <...>

– Там **остановка** – **Это значит** – **остановка сердца**. Все внутри **заныло** и, **не знаю, как назвать**, – **озверело, что ли?** <...>

– Если будет сознание – удалим трубку ... – У такого? Что вы, Николай Михайлович! Он же **кикнет** ... **У Вити очень образный язык, но старая память моя не запоминает все его сентенции** <...>

– Он **уходит** ... **Есть такое слово у реаниматоров** – «**уходит**». Оно появилось недавно, и я не могу привыкнуть к его тайному смыслу <...>. **Ворчу, как Собакевич...**

Яркой чертой речевого поведения ЯЛ является повышенное внимание к своему и чужому слову (как к отличному от своей манеры выражать мысли), а также стремление определить свои возможности, способности, ограничения как пишущего человека.

В полной мере это относится к эмотивно-оценочному слову, которое является прагматически маркированным знаком оценки, в существенной мере скорректированной переживаемыми эмоциями: деформируются или подменяются основания оценки, интенсифицируется оценочное содержание, повышается категоричность ценностных суждений. Для автора же, являющегося представителем указанного психологического типа, важно фактическое положение дел, которое требует взвешенных суждений и оценок.

Обратимся к текстам дневников и тексту повести. Саморедактирование личности распространяется и на область выражения эмоционального состояния, а также эмоциональной и рациональной оценки. Ср.:

Думаю, что работаю даже **лучше** (чем 20 лет назад). **Отбросим «лучше», хватит и «не хуже»...** Никогда себя **не переоценивал**, всегда обрывал всякие

славословия. Раздражаюсь, когда больные говорят: «Ваши золотые руки» <...> Понедельник был **очень скверный**. (Хотел написать ужасный, но остановился: **сколько можно ужасных**).

Приведенные фрагменты дневникового дискурса очень показательны: ЯЛ выбирает подходящий знак для выражения самооценки, эксплицируя основания своего языкового предпочтения – стремление быть точным в своем положительном суждении: «отбросим «лучше», хватит и «не хуже».

2. Основные черты аксиологической и эмоциональной интерпретации действительности ЯЛ – реалистичность, основательность, «незамутненность» эмоциями, отсутствие гиперболизации оценочного содержания.

В своих и чужих оценочных и эмотивно-оценочных высказываниях автор дневника стремится вычленить существенное, «вынося за скобки» то, что привнесено эмоциями, ситуацией, неудачно выбранным словом. Ср.: На конференции же **поругался с Юрой ... Он возьми и ляпни**: – Вы смотрите в журналах только заголовки и рефераты. Вот я об этом почитаю и доложу ... – **Ну как тут не взорваться? Когда уже ночь не спал, нервы натянуты страхом предстоящих двух операций крайнего риска. Во-первых, это неправда. Во-вторых, такое старшим не говорят. Обругал его грубо, назвал мальчишкой и даже хуже.** Потом противно было, что унизился ... **Вообще-то я не обижаюсь на помощников, когда они взрываются, и переносу даже грубости, если по делу. Человек должен драться за свою правоту ...**

Как свойственно данной ЯЛ, даже в эмотивно-оценочном дискурсе (взорвался, обругал, мальчишкой, даже хуже, возьми и ляпни) осознаны (пусть в последующем дневниковом варианте) основания оценки (во-первых, это неправда, во-вторых, так старшим не говорят), причины эмоционального взрыва (усталость и страх), деформировавшего оценочное суждение говорящего субъекта (ляпнуть, мальчишка и даже хуже) в сторону гиперболизации и категоричности. В иной ситуации проявилось бы неудовольствие, досада, возможно, раздражение бестактностью и безосновательностью коллеги. Поэтому говорящий, просчитывая подобные коммуникативные ситуации, умеет отбросить «малосущественное»: те искажения, которые вносятся в ценностно-квалификативную деятельность человека интенсивными и горячими эмоциями. Главное для говорящего – факты.

3. Критическое отношение к ценностной парадигме социума.

К.Г. Юнг так писал о формировании оценочных ориентиров экстравертного мыслительного типа личности: «Полученные через эмоциональный акт оценки соответствуют или непосредственно объективной ценности, или, по крайней мере, некоторым традиционным мерилам ценностей (мода! и другие положительные, с тоски зрения общества, вещи)» [Юнг, 1995, с. 39].

Исследуемая личность интровертного мыслительного типа стремится выработать свои критерии, постоянно анализируя аксиологические образцы социума, споря с ними и отмечая нормы расхожей морали. Ср.:

В оценке любого технического мастерства присутствует психологическая установка – **как «должно быть»**: плохо должно быть у молодого и неопытного и у старого – у него уже руки дрожат. Так оценивают. Поэтому приходится **искать свои критерии, объективные и независимые, чтобы без предвзятости** <...> Руководитель крупной клиники **всегда диктатор**. Если он **размазня, то и клиники нет**. Единоначалие и дисциплина, как на войне (на фоне общих разговоров о демократичном руководителе – Т.Т.) <...> **Окружающие дома и в клинике смотрели на меня с опаской: «ненормальный»**. Это называется **страсть** (о работе – Т.Т.).

Таким образом, можно сказать, что в эмотивно-оценочном дискурсе ЯЛ отразились следующие черты: стремление к самостоятельности и независимости

оценочных суждений, осмысление оснований оценки, ее обоснованности, а также, как следствие этого, вербализованная коррекция своего речевого поведения, которая проявляется в экспликации причин предпочтения того или иного языкового знака, а также в выборе речевых стратегий в эмотивно-оценочном дискурсе.

Если обратиться к характеристике ЯЛ героя повести Н. Амосова, которому «отданы» многие мысли, поступки, переживания и черты языкового портрета автора, то можно отметить, правда, в значительно меньшей степени тенденцию к саморедактированию вообще и в эмотивно-оценочной сфере в частности. Это выражается в основном в попытках осмыслить и изменить манеру общения с окружающими, особенно в области вербализованных эмотивных оценок. Ср.:

На долю мгновения: **не надо ругаться**. А, какая теперь разница <...> **Эпитеты, разные обидные слова. Я кричу, потому что в отчаянии** <...> За это я продолжаю **ругать** Петю. **Ругаю** Марью Васильевну за то, что она плохо сделала первую операцию, хотя у меня нет никаких доказательств <...> говорят, я стал плохо оперировать, когда **ругаюсь** (Н. Амосов. Мысли и сердце).

Видим, что яркая языковая черта ЯЛ Н. Амосова (осознанное отношение к слову) как бы модифицировалась в речи созданного им персонажа, однако присутствует, хоть и в «редуцированном» виде.

4. Многократный самозапрет на выражение эмоций.

Текст дневника зачастую отличается внешней безэмоциональностью, которая есть результат **осознанного** автором неумения выражать свои чувства, признания в качестве главной ценности мысли и факта, постоянного самозапрета на выражении эмоций (одергивание себя, боязнь «впасть в сантименты», насмешки над своей прозаичностью, умение управлять своими эмоциями).

Наверное, тяжело родным со мной жить. Вроде бы стараюсь виду не показывать, но **отключенный и мрачноват** <...> **Второе мое Я смотрит на эти страсти со стороны и говорит «скептически»:** «Ну и глупо! Умей дозировать работу и отключения <...> **Мне самому опротивели вопли о несчастьях. Хочется шикнуть: – Сиди и молчи, если дурак! Я и молчу, кроме дневника, и немножко жене** <...> Жизнь переполнена эмоциями. И такие скучные дневники! Нет таланта. Пишу для информации <...> Наверное, многие, прочитав это, осудят: **«Сентиментальный старик, скольких людей отправил на тот свет, а тут разнюнился над собакой»** (умерла собака – Т.Т.).

В интерпретации своих чувств-отношений (не высказанных окружающим) тоже присутствует жесткий самоконтроль – не преувеличивать, не интенсифицировать свои эмоции. Ср.: Смотрел и думал: хороший народ. Я их не только уважаю, но **чувствую теплоту. (Хотел даже написать «люблю»).**

Основной установкой является то, что эмоции мешают работе, следовательно, их надо «изгнать» или научиться ими управлять (Действует внутренний приказ «собраться, не отвлекаться на сантименты»). Это позволило бы мне оперировать самого близкого ...). Каждый эмоциональный взрыв, имевший место в действительности, разбирается в дневнике, автор осуждает себя за внешнее проявление эмоций, за допущенные под их влиянием ошибки (Потом противно было, что унился... Я редко взрываюсь при вечерних докладах, но тут ругался на самой грани приличий...).

При указанной установке особую роль начинает играть дневник ЯЛ. Дневниковый дискурс содержит фрагменты описания и выражения эмоций практически только отрицательного плана. Эта психолого-лингвистическая черта осмыслена самим автором. Ср.: Понедельник был **скверный**. (Хотел написать **ужасный**, но остановился: **сколько можно ужасных?.. Живу в мире ужасов**, если взглянуть непривычному со стороны... **Черная неделя** в институте... **Несчастья продолжают...** **Страсти – отрицательные...**

«Эмоции хотя не экстенсивны, но интенсивны. Они развиваются в глубину... Существование негативных эмоций можно открыть только косвенным образом...» [Юнг, 1992, с. 79, 76]. Таким образом описывает К.Г. Юнг эмоциональную систему интровертно-мыслительного типа личности.

Отрицательные эмоции, которые лишены экспликации, неизбежно обрушиваются на самого субъекта, воплощаясь во множестве отрицательных самооценок (оптимист, старый дурак), в самоиронии (...Но красота скользила где-то в близком подсознании, а мысли были все те же: об операциях, о больных... **Прозаический ты человек**, Амосов!), в строжайшей дозировке положительных самооценок, в стремлении не преувеличивать оснований для положительного эмотивно-оценочного реагирования (Все-таки **непередаваемое ощущение могущества** у хирурга, когда он делает сложную операцию при болезни **абсолютно смертельной**... **Прямо бог!.. Не нужно, старик, задаваться. Ничего экстраординарного не было... Не надо!**).

Ярким показателем негативного отношения к выражению эмоций является слово **сантименты** в лексиконе ЯЛ. В МАС это слово толкуется следующим образом: разг. Проявление сентиментальности, сентиментальность; **разводить сантименты** – проявлять **излишнюю или неуместную** чувствительность (в словах или поступках); сентиментальный – **легко** приходящий в умиление, способный **быстро расчувствоваться**, чувствительный.

Как нейтральная языковая единица это слово в дискурсе автора дневника отсутствует («чувствительный», «проявление сентиментальности»). В его лексиконе слово актуализирует смыслы «излишне», «неуместно», «быстро, легко расчувствоваться», «плохо», «быть слабым». Кроме того, в эмотивно-оценочной картине мира субъекта сформировалось представление об эмоциях как о чем-то мешающем мыслить, работать, делаящем человека слабым и смешным. Ср.: ...собраться, не отвлекаться на сантименты; лучше помолчу, чтобы не впасть в сантименты; наверное, многие осудят: «сентиментальный старик...»; опять сантименты.

Во всех этих употреблениях актуализируются, кроме тех, что указаны в словарных дефинициях, семы «мешает работе», «делает человека смешным», «то, что подлежит осуждению», «то, что не должно быть выражено».

По сути дела, в личностном значении этого ключевого для эмотивно-оценочного дискурса субъекта слова раскрывается жизненная философия человека, принадлежащего к определенному психологическому типу. Возможно, сказывается влияние профессии – хирург слишком часто должен подавлять чувства, а также есть и момент привыкания к страданиям больных.

Эмотивно-оценочный дискурс амосовского персонажа, можно сказать, прямо противоположен авторскому (дневниковому) по выделенному основанию – выражению эмоционального состояния и эмоционального отношения. Герой повести переполнен эмоциями, которые имеют выход, и, вербализуясь, снимаются. В речевом поведении персонажа как бы снят запрет на выражение эмоций, отрицательных, направленных на других, в частности. Ср.: – Отсос! **Черт бы вас побрал**, не сосет! Давай другой, быстрее! Давайте мощные ножницы! **Пошевеливайся, корова!** <...> На долю мгновения: не надо ругаться. А, какая теперь разница! – **Ах, что я наделал, что я наделал! Дурак! Это о себе. Я ничтожество. Пусть все знают. Мне все равно. Хочу одного – вот тут сдохнуть**. – Михаил Иванович, давление падает. – Переливайте быстрее кровь! Обнажьте артерию на другой ноге. Да побыстрее, **не копайтесь, растяпы** <...> – Петя, зажимай снова аорту. Марья, разрежь перикарду шире для массажа. Да ты же вынул зажим, оказывается? **Ах ты сволочь, где были твои глаза!? Оболтус!** Ведь теперь мне его не провести. Ну как можно работать с такими <...> Эпитеты, разные обидные слова. Я кричу, потому что в отчаянии... Я чуть не плачу... Я не хочу жить в

этом ужасном мире, в котором так умирают девочки <...> О какое меня разбывает зло! Хотя бы один начальник, от которого зависят эти инструменты, попал мне на стол. Я бы его!.. Долго шью и... не удерживаюсь, ругаюсь. В пространство и на Марину, что растеряла иглодержатели, которые я сам подбирал, и на Марию, что плохо держит и ловит концы нитей. На весь мир. Грешен, в душе ругаюсь матом... На ругань никто не отвечает <...> Усталость, злость и досада. Противно на всех смотреть. – Что же вы смотрели все? Ведь пульс урежался больше, чем полагается. Ты небось домой торопилась. А вы рты пораскрывали, довольные, и небось трепались! (...) Молчание. Обижены <...> Несправедливо. Мы все трепались (Н. Амосов. Мысли и сердце).

Как пишет автор в дневнике, «жизнь переполнена эмоциями... Страсти – отрицательные». Можно предположить, что эти не выраженные в реальной коммуникации эмоции находят свой выход в дискурсе смоделированного персонажа, речь которого изобилует эмотивно-оценочной лексикой (ЭОЛ) и специальными эмотивными конструкциями. Существенно, что в текстах дневников и повести эмотивно-оценочная лексика существенно различается количественными (очень небольшое количество в дневниках и высокая степень насыщенности ею текста повести) и качественными характеристиками. Функции эмотивно-оценочной лексики в дискурсе автора дневников и героя повести различны: если в речи Н. Амосова эмотивно-оценочное слово, появляясь в основном только в дневнике, служит для оценки, которая выражена наедине с собой, неофициально, в свободной форме (это своеобразный способ расслабиться), то для героя повести эмотивно-оценочная лексика – это в первую очередь выражение (в том числе и публичное) и снятие отрицательных эмоций, направленных на себя или окружающих. Оценочная семантика оказывается частично нейтрализованной, о чем свидетельствует реакция адресатов. Обратимся к текстам дневников и повести, чтобы проиллюстрировать различную функциональную ориентацию ЭОЛ:

Дело не только в сознательности, периодически приходится повторять: «Узнаю – **выгоню**» (если точно: «**добьюсь увольнения**») ... Мне самому надоели **вопли о** несчастьях. Хочется **шикнуть**: – Сиди и молчи, **если дурак!**.. – **У, сволочи!** ... **Черт бы побрал все и всех!** Без конца мелкие промахи. А сам? На той неделе истории болезни не прочитал... Так мне хотелось их **по рожам набить**... «**Сентиментальный** старик, скольких людей отправил на тот свет, а тут **разнюнился** над собакой» (внутренний монолог – Т.Т.) (Дневники Н. Амосова).

Эмотивно-оценочная лексика появляется в дневниковом дискурсе в воспроизведенных внутренних монологах – тогда это знак отрицательного эмоционального состояния, не нашедшего выхода в реальной коммуникации (незначительная часть эмотивно-оценочного дискурса), и в оценочных квалификациях, допустимых наедине с собой (ср. : **выгоню** – в дневнике и **добьюсь увольнения** – в жизни).

В ряде фрагментов актуализируется эмотивная семантика ЭОЛ, а в большинстве – эмотивно-оценочная (в дневниковом дискурсе). Кроме того, существенной чертой этой лексики для ЯЛ является ее сниженно-разговорный характер – появляясь в основном в дневнике, она служит знаком «свободной» речи, не регламентированной ни социальными, ни этикетными, ни возрастными отношениями коммуникантов.

В речи героя амосовской повести эмотивно-оценочная лексика занимает существенное место (пошевеливайся, корова, копать, растяпы, черт бы вас побрал, идиот, городить, трепаться, рты пораскрывать, понаехали, стервы, сволочи, плести, с ума сошла, шельмовать, прозевать, поскулить, дурак, ничтожество, сдохнуть, оболтус, где были твои глаза, портачить и др.)

Эта лексика в эмотивно-оценочном дискурсе выполняет, в первую очередь,

функцию выразителя эмоционального состояния и отношения – гнев, злость, возмущение, досада, отчаяние, страх, раскаяние, самобичевание. В большинстве случаев эмотивно-оценочная лексика не имеет к оценке никакого отношения или имеет лишь косвенное. Об этом свидетельствует в ряде случаев отсутствие реального адресата (ругаюсь в пространство, на Марину, на Марью, на того, кто делает эти инструменты), отсутствие (осознаваемое говорящим) оснований оценки (Ругаю Марью Васильевну за то, что она плохо сделала первую операцию, хотя у меня нет никаких доказательств), неадекватная эмотивно-оценочная реакция на положительный стимул (У меня внутри все дрожит. Вот-вот упаду. – Дайте сесть. А ты слезай, что стоишь, **как дурак**. Это Диме. Он все еще стоит на табуретке (он только что спас больного – Т.Т.). Об этом же говорит и реакция адресатов, прогнозируемая самим говорящим субъектом: Наверное многие думают: только бы шеф не ругался. Сегодня не из боязни оскорблений: говорят, я стал плохо оперировать, когда ругаюсь (Н. Амосов. Мысли и сердце).

В силу этого оценочное содержание ЭОЛ воспринимается как сильно деформированное сопровождающими эмоциями, сиюминутное, гиперболизированное. В семной структуре эмотивно-оценочного значения происходит перегруппировка компонентов по степени значимости: актуализируется эмотивное содержание слова, а оценочные семы частично нейтрализуются. Такое преимущественное употребление эмотивно-оценочной лексики является существенной чертой ЯЛ, а также свидетельствует и об эмоциональном типе субъекта.

5. Корреляция эмотивной оценки и самооценки в ЭОД ЯЛ.

Эмотивно-оценочный дискурс Н. Амосова и созданного им персонажа позволяет также судить о такой **психолого-лингвистической черте, как корреляция эмотивной оценки, направленной на окружающих и на себя самого**. Эти оценки коррелируют по уровню строгости и категоричности оценочных суждений, по основаниям и по способу выражения. Реальная ЯЛ и персонаж как модель ЯЛ проявляют единый подход в формировании эмотивной и рациональной оценки, направленной на адресата и на себя: одни и те же пороки не прощаются ни себе, ни коллегам, стремление к справедливым оценочным суждениям (продуманная система обратной связи коллег с «диктатором» – тайное голосование, где каждый руководитель получает плюсы и минусы за деловые и человеческие качества, Н. Амосова).

Анализируя эмотивно-оценочный дискурс реального человека и созданного им героя повести, мы приходим к выводу о том, что герой во многом повторяет пишущего, однако его эмоциональный тип будет иным: ему как бы отведена привилегия выражения интенсивных эмоциональных состояний, которые глубоко переживаются и самим автором. В речи персонажа снят запрет на употребление эмотивно-оценочной лексики, которую автор, стремящийся во всем найти логику, построить систему, модель, практически изгоняет из своего лексикона как «затемняющую» мысль и тем мешающую работе.

Возможно, в текстах дневников и повести эксплицированы две ипостаси одной личности, причем вымышленный персонаж в чем-то восполняет и корректирует эмоциональную жизнь самого автора.

Таким образом, обращение к теории психологических типов личности позволяет, с одной стороны, объяснить те или иные проявления языковой специфики говорящего, а с другой – лингвистически обосновать (подтвердить или опровергнуть) выявление психологических особенностей человека. Кроме того, сопоставительный анализ дискурса реального человека и созданного им персонажа позволяет наметить пути интерпретации ЯЛ автора не только с помощью анализа его писем, дневников, выступлений и т.д., но и – опосредованно – с помощью изучения дискурса созданных им персонажей. Логика исследования приводит к выводам о

том, что от эмоционального состояния человека, от качества переживаемых им эмоций и от его эмоциональной структуры в существенной мере зависят различные параметры аксиологической деятельности человека [Трипольская, 2000]. Комплексное исследование личности позволяет создать типологию языковых личностей с точки зрения эмотивно-оценочной интерпретации действительности говорящим человеком.

Литература

Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: к 60-летию Ю.Н. Караулова. М., 1995. С.260–276.

Трипольская Т.А. Языковые механизмы эмоциональной и оценочной интерпретации действительности // Проблемы интерпретационной действительности. Новосибирск, 2000. С.14–27.

Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1992.